УДК 43-2+830(092)

И. А. Везнер

(Новосибирский государственный педагогический университет)

ТРАНСВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ СЕМАНТИКИ: КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются некоторые аспекты трансвербализации эмоционально-оценочного содержания языковых единиц в контексте когнитивно-дискурсивной парадигмы современной лингвистики.

Ключевые слова: трансвербализация, диалогический дискурс, категория эмоциональной оценки, нарратив, парадигма перевода.

Vezner I. A.

TRANSVERBALIZATION OF EMOTIVE AND EVALUATIVE SEMANTICS: COGNITIVE AND DISCOURSE ASPECTS

The paper discusses some aspects of emotive and evaluative semantics in terms of its transverbalisation.

Keywords: transverbalisation, discourse, genre, translation paradigm, emotional evaluation semantics.

В данной статье предпринимается попытка рассмотреть роль когнитивно-дискурсивного фактора при трансвербализации эмоционально-оценочного содержания.

Под трансвербализацией мы понимаем вид коммуникативно-речевой межъязыковой деятельности, направленной на выявление и преобразование совокупностей инокультурно-значимых смыслов, подлежащих вербализации в том или ином типе дискурса принимаемой лингвокультуры. Инструментом трансвербализации выступают трансверbы, которые, представляя собой билингвально-бикультурные дискурсивные корреляты (или разноуровневые вербализованные смысловые комплексы), являются оптимальными переводческими решениями для определённых жанрово-дискурсивных условий [3;4;5].

Когнитивное направление в современной лингвистике характеризуется экспланаторностью, т.е. стремлением не только регистрировать и описывать языковые явления, но и объяснять, почему они реализуются именно так, а не иначе.

Ранее нами уже рассматривались некоторые проблемы передачи образной лексики не только с позиций традиционного для теории перевода нормативного аспекта, но и в контексте современной когнитивно-дискурсивной парадигмы теории перевода [1;2].

Заметим, что в последнее время, когда в лингвистике повышается значимость коммуникативно-дискурсивной научной парадигмы, для лингвистов становится очевидным тот факт, что никакие языковые явления не могут быть адекватно поняты и описаны вне их употребления, без учета их дискурсивных аспектов. Дискурсивный анализ становится сейчас одним из центральных разделов лингвистики и имеет собственный специализированный предмет исследования [6,с.5–11].

Отправной точкой большинства исследований сегодня является коммуникативно-дискурсивная природа языка, что предполагает его изучение в аспек-

те функционирования: когда языковые единицы в речевом употреблении приобретают прагматическую направленность.

Можно предположить, что объективные когнитивные исследования языка на современном этапе развития лингвистического знания немыслимы без обращения к дискурсу.

Исследователи подчеркивают ситуативную обусловленность дискурса, его связь с понятиями «ситуация» и «контекст», поэтому дискурсивный анализ невозможен без учёта коммуникативных, культурологических, когнитивных и других составляющих его компонентов.

По мнению О.В. Магировской, соотношение «дискурс – когниция» дихотомично. Будучи тесно связанным с деятельностью человека и, выступая ее продуктом, дискурс неотделим от человеческой когниции. Именно дискурсивная деятельность обеспечивает реализацию целого ряда когнитивных возможностей и способностей человека, прежде всего таких, как восприятие, память, прогнозирование, ментальное соотнесение событий, выстраивание ассоциативных связей, установление причинно-следственных закономерностей и др. В свою очередь, когниция дискурсивна, имея дискурс своим источником проявления [10,с 151–152].

При когнитивном осмыслении единиц языка они не меняют своего значения, они просто применяются не только к прототипической центральной ситуации, но и к примыкающим к ней ситуациям с несколько отличными признаками.

Иллюстрируя данное утверждение, Л.М. Ковалёва приводит примеры предложений со словом *отец*.

Во всех следующих предложениях лексема *отец* имеет значение, которое в терминах структуральной лингвистики может быть представлено как набор признаков «взрослый» + «мужской» + «зачавший ребенка», но в сочетании с другими языковыми средствами она приобретает разный смысл в разных высказываниях, ср.:

1. Его отчим был его настоящим *отцом;*

2. Его отчим был ему настоящим *отцом;*

3. Это настоящий *отец*, достойный уважения;

4. Ну он не *отец* – так избить ребенка!

5. Этот так называемый *отец* и др.

Прототипическое употребление лек-семы *отец*, по мнению исследовательницы, можно усмотреть лишь в предложении 1, где она употреблена в наиболее понятном, принятом и частотном значении [7, с.10–11].

Л.А. Фурс, размышляя о принципах когнитивной обработки знания полагает, что при моделировании синтаксически репрезентируемого концепта первостепенным по важности является прием когнитивной доминанты, который позволяет учесть креативность человеческого мышления и динамический характер речемыслительных процессов. Принцип действия механизма когнитивной доминанты заключается в том, что говорящий, ориентируясь на задачи коммуникации, должен передать различные стороны объективной ситуации.

Мышление человека оперирует базовыми концептуальными характеристиками, которые имеют первостепенное значение для говорящего при осмыслении действительности. Когнитивно доминирующая структура включает только те блоки знания, которые значимы на данный момент [14, с.33].

В.В. Виноградов в своей статье о типах лексического значения слова (1953) показал, что определенные значения именительного падежа «привязаны» к конкретным синтаксическим позициям.

В частности, для существительных с оценочной семантикой – *умница, молодец, молодчина, прелесть, дурак, болван, придурок, сволочь* и т. п.– характерны в тексте особые позиции: роль предиката (сказуемого), а также обращения, заголовочного слова.

При этом подчеркивается, что особые значения слов типа петух или *жилец* проявляются только тогда, когда они играют в предложении роль сказуемого, ср.: *Вот так петух! или Не жилец она не белом свете.*

В остальных же позициях оценочная лексика используется ограниченно. Не говорят: *«Дурак живет в соседней квартире», «Умница всех обыграл в шахматы», «Фаталист получил письмо»* и т. п.

Если же это все же случается, то у адресата остается ощущение дополнительной семантической нагрузки, придаваемой оценочному слову, например, это может быть «взгляд со стороны», скрытая цитация и т. п.

В определенных условиях (в частности, в сочетании с местоимениями или в результате сложения пропозиций) такие «предикатные» по своей сути названия расширяют диапазон своего употребления. Они становятся способны к референции и к тому, чтобы выступать в формах других падежей, например:

– Живут же паразиты! Будто аристократы… Паразитов собралось столько, что их мяса и жира вполне хватило бы на целый год для работы мыловаренной фабрики (В. Пикуль. Честь имею; под паразитов имеется в виду: «этих паразитов»).

В этих случаях употребление оценочной лексики за пределами привычной для нее предикатной позиции придает тексту дополнительную семантическую глубину и рассчитано на адресата, способного данный прием оценить (цит: по [12,с. 156–157]).

Употребление оценочной лексики за пределами привычного для неё контекста характерно для художественного дискурса в силу того, что в нём репрезентируется индивидуальная картина мира. Художественный дискурс, имея различные способы организации, является прагматически ориентированным речевым произведением, в котором единицы разных уровней в процессе своего функционирования реализуют свой вариативно-интерпретационный потенциал.

Реализация этого потенциала детерминируется тем, что эти единицы, с одной стороны, являются элементами языка как устойчивой системы, а следовательно, обладают языковым значением, а с другой – функциональной системы, а значит, обладают прагматическим значением, или смыслом.

Остановимся на анализе примеров из художественного дискурса и покажем роль когнитивно-дискурсивного фактора при выборе трансвербов для словосочетания *старый хрен*, являющегося средством оценочной номинации пожилого человека, которое в словаре имеет помету: *просторечное, бранное*.

Из нижеприведённых примеров видно, что при передаче этого сочетания на английский язык переводчик выбирает разные трансвербы.

(1) – Что станешь делать с ним? Притворился ***старый хрен****, по своему обыкновению, глухим: ничего не слышит и еще бранит, что шатаюсь бог знает где, повесничаю и шалю с хлопцами по улицам.* (Н.В. Гоголь «Вечера на хуторе близ Диканьки»)	*What can you make of him?* ***The old curmudgeon*** *pretends to be deaf; he will not listen to anything, and blames me for loafing with fellows, as he says, about the streets* (перевод Field Claud).

*(2) – Шляетесь здесь, лабарданцы! Благодари еще бога, что по шее, **старый хрен**, не заработал. А в другой раз придешь, так и знай, стесняться с тобой не стану, намну загривок и стащу к господину вряднику. Шантрапа!* (А.И. Куприн, Белый пудель)	*"Loafing around here, you tramps!" he said threateningly. "You should thank God you got away with a whole skin, you **damned gaffer**. But next time you turn up you can be sure I'll give it to you–I'll punch your head and take you to the uryadnik. You scum!"* (перевод S. Apresyan)

На наш взгляд, выбор различных трансвербов для русского сочетания *старый хрен* не случаен. Употребляясь в двух разных типах дискурса (нарративе и диалоге), оно отличается семантико-функциональным потенциалом.

С точки зрения содержания категория эмоциональной оценки отличается многоплановостью и выражается при помощи разнообразных ресурсов языка. Несмотря на то, что эмоция и оценка тесно связаны в составе коннотативного макроэлемента, они все же обладают разными семами. Это связано с тем, что оценочность возможна при отсутствии эмоциональности и наоборот. Хотя в большинстве случаев оценка функционирует вместе с эмоциональностью. Следует также отметить, что зачастую оценка может содержаться не в коннотативном элементе, а в денотативном. Это происходит в том случае, если называется само неодобрительное отношение к предмету, а не предмет и в качестве дополнения его оценка [13, с. 23].

Разница в языковой репрезентации смысла, выражаемого с помощью сочетания *старый хрен* при его трансвербализации в двух анализируемых типах дискурса, на наш взгляд, обусловлена когнитивными факторами: в примере (1) в речи героя представлено суждение (мнение о человеке в его отсутствии). Поэтому на первый план выходит оценочный аспект данного сочетания, который акцентируется и самим контекстом (герой недоволен своим отцом, который запрещает ему жениться на любимой девушке, бранит его *(blames me)*). В примере (2) на первый план выходит эмоциональный аспект этого выражения, поскольку герой напрямую обращается к собеседнику. Эмоциональность также акцентируется и поддерживается другими средствами, используемыми в данном контексте (*лабарданцы, шантрапа, шляетесь, намну загривок* и т. д.). Ср.: **лабарданцы; шантрапа** – *(просторечное, бранное) никчемный, никуда не годный человек;* **tramp** – *a person who travels from place to place on foot in search of work or as a vagrant or beggar;* **scum** – *(informal) a worthless or contemptible person or group of people.*

В предложении (1) трансвербом для сочетания *старый хрен* выступает английское оценочное слово *curmudgeon* в сочетании с прилагательным *old*. (Ср.: ***curmudgeon*** *– a bad-tempered or surly (unfriendly) person*). Как показывает компонентный анализ, в семантике этого английского существительного отсутствует компонент значения *старый*, который в исходном высказывании имеет рематический статус, и, поэтому при переводе он компенсируется с помощью английского прилагательного *old*.

В предложении (2) трансвербом выступает английское слово *gaffer* (Ср.: ***gaffer*** *– informal an old man*) в сочетании с усилителем *damned* (Ср.: ***damned*** *–used for emphasis, esp. to express anger or frustration*).

Подчеркнем, что слово gaffer имеет нейтральную оценку и, употребляясь самостоятельно, в качестве обращения, может приобретать положительную окраску (Ср.: ***gaffer*** *– разг. старик, старина; дедушка*).

Для того чтобы придать данному слову рематический статус, сделав его в переводе эмоционально-отрицательным, ругательным обращением к пожилому человеку, переводчик оправданно вводит усилитель *damned*.

Наши наблюдения подтверждаются и следующими примерами (3) и (4), в которых употребляются русские существительные с функцией характеризации лица *подлецы* и *мошенники* в разных контекстах.

*(3) Вы-де с барином, говорит, **мошенники**, и барин твой – плут. Мы-де, говорит, этаких шерамыжников и **подлецов** видали.* (Н.В. Гоголь «Ревизор»)	*You and your master are **cheats**, he says, and your master is a blackleg besides, he says. We know the breed. We've seen **swindlers** like him before.* (перевод T. Seltzer)

*(4) **Мошенники**, канальи, чем они кормят! И челюсти заболят, если съешь один такой кусок. (Ковыряет пальцем в зубах.) **Подлецы!*** (Н.В. Гоголь «Ревизор»)	***Scoundrels!** Crooks! The stuff they give you to eat! It makes your jaws ache to chew one piece of it. [Picks his teeth with his fingers.] **Villains!*** (перевод T. Seltzer)

В русском языке слово мошенник может употребляться в следующих значениях: 1. *тот, кто обманывает или злоупотребляет доверием с целью завладения чужим имуществом либо правом на чужое имущество (собственность или деньги)*; 2. *(разговорное, презрительное) проходимец, пройдоха, жулик, плут* и имеет ряд английских эквивалентов: по первому значению ему соответствуют английские слова swindler и cheat (более разговорное); по второму значению оно сближается с английским словом *scoundrel.*

Наряду со словом *мошенник* в данных контекстах употребляется слово *подлецы*, которое сближается со вторым значением слова *мошенник*, и поэтому мы рассматриваем эти слова как взаимозаменяемые синонимы, несмотря на некоторые смысловые нюансы, которыми они отличаются (Ср.: ***подлец*** *– (разговорное, бранное) низкий, подлый человек)*.

В примере (3) слово мошенник сближается с терминологическим значением *обманывать или злоупотреблять доверием*, что подтверждается взаимодействием этого существительного с другими существительными с функцией характеризации, используемыми в данном контексте (*плут, шерамыжник*). Ср. плут – *хитрый и изобретательный обманщик, мошенник, нечестный в деловых отношениях человек;* ***шерамыжник*** *– (просторечное) человек, который любит поживиться на чужой счёт, жулик;* ***blackleg*** *– a cheating gambler, someone who continues to work when other workers are on strike, used to show disapproval.*

Трансвербами русских слов *подлецы* и *мошенники* являются соответственно *swindlers* и *cheats.* (Ср. ***swindler*** *– a person who swindles (use deception to deprive (someone) of money or possessions;* ***cheat*** *– a person who behaves dishonestly in order to gain an advantage).*

В примере (4) с помощью этих слов герой «выплескивает» вслух свои эмоции, рассердившись на поваров. Эмоциональный фон его высказывания поддерживается так же экспрессивным синтаксисом и ближайшими контекстуальными лексемами (*канальи; И челюсти заболят, если съешь один такой кусок.).* (Ср. ***каналья*** *– (шутливо-бранное восклицание, выражающее восхищение кем-нибудь) мошенник, плут, бестия, пройдоха;* ***crook*** *– (informal) a criminal or dishonest person*).

Поэтому в начальной позиции трансвербом обращения-эмотива *мошенники* является английское оценочное слово *scoundrels*. (Ср. ***scoundrel*** *- a dishonest or unscrupulous person; a rogue (1. a person whose behaviour one disapproves of but who is nonetheless likeable or attractive. 2. a person or thing that behaves in an aberrant or unpredictable way, typically with damaging or dangerous effects*); трансверб слова *подлецы – villains.* (Ср. ***villain*** *– 1 a wicked person or a person guilty of a crime*).

Проведённый анализ показал, что способы трансвербализации одного и того же слова с эмоционально-оценочной семантикой в зависимости от его речевой функции и типа дискурса могут варьироваться.

Семантика языковых единиц, формирующая тот или иной эмоционально-оценочный смысл, является дискурсивно обусловленной. Дискурсивная репрезентация действительности неразрывно связана с когнитивной деятельностью человека.

По мнению Е.С. Кубряковой, задача лингвиста заключается в том, чтобы усмотреть за различием форм именно разное видение ситуации [8, 117]. Разные ситуации можно категоризовать одними и теми же единицами, если говорящий приравнивает их друг к другу. Новизна заключается не в выявлении новых значений у семантических структур, а в выявлении и понимании их употребления в речевой деятельности. Исследуя концептуализацию и категоризацию окружающей действительности, мы получаем информацию о том, как язык отражает семиотически маркированные ситуации и объекты и как они понимаются (видятся) нашим сознанием [9].

Когнитивно-дискурсивный подход к анализу языковых явлений позволяет изучать не только механизмы обработки поступающей человеку информации, но и проследить способы её вербализации.

Список литературы

1. *Везнер И. А.* Перевод образной лексики: Когнитивно-дискурсивный подход: учебное пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 88 с.

2. *Везнер И. А.* Адекватность и эквивалентность при переводе образных средств с английского языка на русский//Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков: материалы междунар. науч-практ. интернет-конф. (20 октября –20 ноября 2006 г.). Новосибирск, 2006. С. 24–29.

3. *Везнер И. А.* Трансвербализация инокультурных профессиональных концептосфер: методологический аспект // Образование в XXI веке: проблемы и перспективы: сб. ст. XI Междунар. науч.-практ.конф. Пенза: Приволжский Дом знаний, 2017. С. 27–32.

4. *Везнер И. А.* Трансвербализация инокультурного смысла в контексте коммуникативно-деятельностной парадигмы перевода// Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. Научно-практический периодический журнал. Том 13. 2019. Новосибирск: НГПУ, 2019. С. 7–11.

5. *Везнер И. А., Везнер С. И.* К вопросу о трансвербализации глагольной категориальной семантики // Язык. Культура. Личность: сборник научных трудов, посвященный юбилею доктора филологических наук, профессора Л. А. Козловой / под науч. ред. И.Ю. Колесова. Барнаул: АлтГПУ, 2020. С. 102–109.

6. *Кибрик А. А.* Анализ дискурса в когнитивной перспективе: диссертация ... доктора филологических наук в форме науч. докл.: 10.02.19. Москва, 2003. 90 с.

7. *Ковалева Л. М.* О когнитивных категориях пропозитивного конституента предложения// Когнитивные категории в синтаксисе: кол. монография / под ред. Л.М. Ковалевой (отв. ред.), С. Ю. Богдановой, Т. И. Семеновой. Иркутск: ИГЛУ, 2009. С. 9–20.

8. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М.: «Языки славянской культуры», 2004. 560 с.

9. *Кубрякова Е. С.* О семантически маркированных объектах и семантически маркированных ситуациях в языке // Концептуальное пространство языка: Сб. науч. трудов, посвященный юбилею проф. Н. Н. Болдырева. Тамбов: Изд. ТГУ, 2005. С. 95–101.

10. *Магировская О. В.* Перспективы когнитивных исследований дискурса Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 151–154.

11. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка имени В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.

12. *Норман Б. Ю.* Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков): курс лекций. Минск, 2009. 183 с.

13. *Стернин И. С., Саломатина М. С.* Семантический анализ слова в контексте [Учебное пособие]; изд. 2-е. М. Берлин: Директ-Медиа, 2015. 202с.

14. *Фурс Л. А.* Особенности когнитивной категории в синтаксисе //Когнитивные категории в синтаксисе: кол. монография / под ред. Л.М. Ковалевой (отв. ред.), С. Ю. Богдановой, Т. И. Семеновой. Иркутск: ИГЛУ, 2009. С. 21–50.